

ПОСЛЕДНИЙ

Г. Л. ОЛДИ

— Дзегай! — равнодушно сообщило табло.

Дзегай — значит, выход за татами. Покрытие пола за красной линией мгновенно вздыбилось, отрезая бойцу путь к отступлению, лишая возможности избежать боя... Он секунду помедлил, тяжело дыша, и вернулся на площадку.

— Хаджимэ! — привычно повышая голос, сказала табло. — Начинайте!

Речевой аппарат электронного рефери был традиционно настроен на старояпонский, но тысячи зрителей, беснующихся за защитными экранами, и миллионы зрителей перед визорами и сенсами прекрасно понимали любую команду. Необходимый перевод совершался автоматически. Мало кто знал сейчас старые языки... Слишком сложно, слишком неоднозначно, слишком много разных слов для обозначения одного и того же...

— Хаджимэ! — нетерпеливо повторило табло, и легкий электроимпульс хлестнул по спинам медлительных бойцов. Бой продолжился.

Красный пояс, высокий черноволосый юноша с тонкими чертами лица и хищным взглядом ласки, кружил вокруг соперника, отказываясь от сближения, и постреливал передней ногой высоко в воздух, не давая тому подойти, прижать к краю, вложиться в удар... Соперник, низкорослый крепыш в распахнутом кимоно со сползшим на бедра белым поясом, неуклонно лез вперед, набычившись и принимая хлесткие щелчки высокого на плечи и вскинутые вверх руки. Это грозило затянуться.

«Баловство, — подумал Бергман, машинально тасуя перед собой бумаги судьи-секретаря. — Глупое бестолковое баловство. Цирк».

Он остро почувствовал собственную ненужность. Вся судейская коллегия была лишь данью традиции, анахронизмом, аппендиксом, неспособным даже вмешаться в ход поединка и лишь покорно регистрировавшим решения электронного рефери. Бойцы помещались в пространство боя, и больше ни одному человеку не было хода за защитные экраны. Даже врач.

Бергман попытался ту же затянуть пояс, с недоумением уставился на выданный утром костюм-тройку и, вздохнув, стал следить за схваткой.

Белому поясу все же удалось прижать противника к краю и войти в серию. Высокий плохо держал удар, хотя поле, излучаемое форменным кимоно, анализировало каждое попадание и ослабляло любой удар, нанесенный с силой выше критической. На тренировках таким порогом служили травмоопасные движения, на соревнованиях рангом выше — угроза инвалидности... На международных турнирах класса «фулл контакт» ограничивались лишь смертельные попадания. Это был именно такой турнир.

Высокий попытался было уйти в сторону, споткнулся и, чудом удержавшись на ногах, выбросил левую ступню, целясь противнику в пах. В ту же секунду его одежда превратилась в бетонный панцирь, а из татами поползли липкие нити, охватившие лодыжки нарушителя. Увлечшийся крепыш уже налетел на парализованного партнера, но невидимый поводок натянулся и оттащил его к краю татами.

— Хансоку-чуй! — громко объявило табло. — Сикаку! Дисквалификация!..

И на нем появилось условное обозначение запрещенного приема.

Бергман встал из-за стола и медленно прошелся в узком пространстве между столами судейской коллегии и возвышением, где сидели спортсмены и представители команд.

«А на улице, наверное, снег сейчас идет, — думал Бергман. — Тихий, ласковый... Вот странно — вроде почти тропики, а снег... Климат, что ли, меняется? И города далеко... города...»

О городах вспоминать не хотелось. Бергман перевел взгляд на ровные ряды скамеек и подмигнул скуластому хмурому парню в черном халате. Это был его ученик. Хороший парень, и техника нормальная, и психика в порядке, а чемпионом ему не быть. Злости не хватает, холодной упрямой злости... Не научил, значит... не сумел...

Бергман повернулся и пошел обратно. На татами уже вызывалась следующая пара, когда он споткнулся о приставной стул и увидел сидящего в проходе пожилого — очень пожилого — полного человека в заношенной ветровке. Сначала Бергман не узнал его, а потом узнал и долго стоял молча, чувствуя себя мальчиком.

— Здравствуй, Мияги-сан... — тихо сказал Бергман. И поклонился.

— Здравствуй, Оскар, — улыбнулся человек и неуверенно, даже робко огляделся по сторонам. — А я вот, как видишь... Пригласили, а регистрационный код выписать забыли. Ты же знаешь, я редко выезжаю... А тут думаю — поеду, неудобно... Приехал, а они мне говорят, что я умер. У них так в картотеке записано. С машиной не поспоришь... Умер — значит, умер. Уезжаю завтра...

— Как же так,— растерянно начал было Бергман,— Мияги-сан, вы им скажите, они же про вас только в книжках, да и то не все... вы же...

— Спасибо, Оскар,— снова улыбнулся человек.— Хорошее у тебя сердце... Зря ты тогда ушел от меня, Бергман-сан, чемпион, заслуженный тренер, 7-й дан Сериндзи-рю...

Он встал и легко поклонился Бергману. Сзади зашикали, и Мияги повернулся, извиняясь. Краем глаза Бергман видел, что на них уже смотрят из-за судейских столиков, и седой Ван Пэнь возбужденно шепчет на ухо толстому Вацлаву, бледнеющему и озирающемуся по сторонам.

В проход влетел разъяренный представитель команды, плюхнулся на стул Мияги и стал что-то громко доказывать судье-информатору. Бергман узнал его. Это был представитель Евразийской региональной сборной, куда входил высокий юноша, дисквалифицированный в прошлом поединке.

Мияги осторожно тронул его за плечо.

— Это мой стул,— сказал Мияги.— Но если вы хотите...

— Убирайся к дьяволу! — не оборачиваясь, заорал представитель.— Не видишь, люди делом заняты...

— Люди...— усмехнулся Мияги, и Бергман замер в предчувствии страшного.— Здесь машины делом заняты. А люди для них дерутся. Вещи следят, контролируют, стравливают, разводят — а люди дерутся...

Представитель начал оборачиваться, недобро щуря глаза.

— А что касается дьявола,— продолжал Мияги,— так я к нему уже убрался... Та же машина и отправила. С легкостью...

Звонкая пощечина разнеслась по залу. Мияги отшатнулся, хватаясь за щеку, и Бергман прыгнул вперед — но опоздал. Вся судейская коллегия была уже на ногах. Десяток рук вцепился в белого, как кимоно, представителя, кулак Вацлава уже завис над его головой, старый Ван Пэнь прорывался поближе, опрокидывая столики, а сбоку набегали, спешили Экозьянц, Ли Эйч, всклокоченный Эйхбаум...

Часть спортсменов Регионалки ринулась с возвышения на помощь своему представителю, и Бергман с ужасом подумал о том, что будет, если эти крепенькие самоуверенные мальчики... Он с интересом обнаружил, что успел сбросить пиджак и прикидывает расстояние между собой и ближайшим парнем, непозволительно выпятившим подбородок, а дряхлый сонный Ван уже запрыгивает на стол, сжимаясь в страшный воющий комок с дикими, тигриными глазами...

— Извините,— сказал Мияги, и все как-то сразу стихло.— Это я виноват. Я сейчас уйду, и все будет в порядке. Собственно говоря, я уже умер, так что вам не на кого обижаться...

Он прошел между застывшими людьми, неловко толкнул дверь левой рукой, и она захлопнулась за его выцветшей ветровкой.

— Я учился у него,— задумчиво сказал Бергман, глядя вслед ушедшему.

— Я учился у него,— повторил маленький Ли Эйч, поправляя бабочку.

— Я учился вместе с ним,— сказал Ван Пэнь, старея на глазах.

— Позвольте,— удивленно заметил приходящий в себя представитель команды.— Кто это был?

— Это был Гохэн Мияги,— ответил ему понурый Вацлав, с сожалением разглядывая свой кулак.

— Который? — попытался улыбнуться представитель.— Привидение?

— Который на III-х Играх в Малайзии убил Чжэн Фаня,— Бергман все искал на возвышении своего ученика, искал — и не мог найти...

— Как же, как же...— силился вспомнить представитель.— Писали в прессе... Защитное поле отказало, что ли...

— Не отказало,— Ван Пэнь слез со стола и пригладил остатки волос.— Просто Чжэн оскорбил учителя Мияги, покойного Эда Олди. Прямо на татами.

— Ну и что?

— Ничего. Дело в том, что Мияги пробил защитное поле. Ладонью. Руку после этого пришлось ампутировать. А Чжэн — умер.

...Когда Бергман выбежал на улицу — там шел снег. Мягкий, бережный, баюкающий снег, и в его пушистых хлопьях далеко впереди мелькала бегущая фигура юноши в черном шелковом халате с развевающимися лапами. Юноши, которого Бергман так и не смог научить злости. Вот он у поворота, вот он поскользывается, падает, снова вскакивает и скрывается за углом, что-то крича вслед...

Бергман вытер мокрое лицо, и тяжелая, как пропущенный удар, мысль вошла ему в голову: что, если там, за углом, так и не услышав утонувшего в снегу окрика, уходит последний?..

Совсем-совсем последний... ■

